

5. О политических отношениях Беларуси и Китая [Электронный ресурс] // Посольство Республики Беларусь в Китайской Народной Республике. – Режим доступа: <https://china.mfa.gov.by/ru/bilateral/>. – Дата доступа: 12.11.2023.

6. О третьем заседании Белорусско-Китайского межправительственного комитета по сотрудничеству [Электронный ресурс] // Посольство Республики Беларусь в Китайской Народной Республике. – Режим доступа: <https://china.mfa.gov.by/ru/embassy/news/c5bd0d524706a34d.html>. – Дата доступа: 12.11.2023.

7. Республиканский институт китаеведения имени Конфуция // Белорусский государственный университет [Электронный ресурс] // БГУ. – Режим доступа: <https://bsu.by/faculties/respublikanskiy-institut-kitaevedeniya-imeni-konfutsiya-d>. – Дата доступа: 08.11.2023.

8. Специализированный кабинет «Класс Конфуция» Барановичского государственного университета [Электронный ресурс] // Барановичский государственный университет. – Режим доступа: <https://confucius.barsu.by/index.php/ru/>. – Дата доступа: 08.11.2023.

9. Шустов, А. Мягкая сила дракона. Как Китай пытается завоевать влияние в Центральной Азии [Электронный ресурс] / А. Шустов // Евразия.эксперт. – Режим доступа: <https://eurasia.expert/myagkaya-sila-drakona-kak-kitay-pytaetsya-zavoevat-vliyanie-v-tsentralnoy-azii/>. Дата доступа: 10.11.2023.

10. Vincenzo, L. China's technology soft power in Central Asia: Risks for Russia's predominance / L. Vincenzo // European science. – 2021. – № 5. – P. 59–63.

*В.Н. Семенова, кандидат философских наук, доцент
АУнПРБ (Минск)*

СНИСТРИЗМ ПАРТИЙНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ИДЕОЛОГИЙ

Важнейшей особенностью партийного идеологического поля современности становится синистризм партийных идеологий. Можно с уверенностью сказать, что время идейно-политических консенсусов XX в., выстроенных на основе временных неустойчивых конвенций, завершилось. Последующие десятилетия XXI в. будут характеризоваться усилением конфликтности между антагонистическими политическими силами и социальными группами. Эпоха относительной и конвенциональной социальной гармонии, созданная после Второй мировой войны в рамках биполярной мировой политической системы, разрушилась, и в ближайшем будущем мировую политику, представляющую сегодня диалектическую борьбу различных центров силы, ожидает обострение

глобальных геополитических, социальных, религиозных, национальных и этнических противоречий.

Термин «синистризм» (от франц. *sinistre* – зловещий, мрачный, роковой, пагубный, угрожающий) введен в политологический лексикон французским литературоведом и политологом А. Тибоде в работе «Политические идеи Франции» (1932 г.). А. Тибоде под синистризмом понимал радикализацию политических партий, приводящую к изменению партийной системы страны без существенных изменений самих партийных идеологий.

Таким образом, в первоначальном значении политический синистризм означал радикализацию политических партий, их увлечение лево- или праворадикальными идеями. Иллюстрацией синистризма в данном значении является, например, появление во Франции в 60-х гг. XX в. «новых левых» как более левых в результате их разрыва с традиционными левыми (социалистами и коммунистами). Французский троцкист Д. Бенсаид, активный участник и один из лидеров «красного мая» 1968 г., вспоминая события тех дней, проводит четкое различие между классическими французскими левыми (Коммунистической партией Франции, французскими социалистами и социал-демократами), сознательно шедшими на соглашательские компромиссы «консерваторами» в лице Ш. де Голля, и «новыми левыми». Разрыв произошел еще в 1966 г., когда часть радикально настроенной студенческой молодежи была исключена из членства в компартии Франции за поддержку вьетнамского Национального фронта освобождения и создала организацию «Молодые коммунисты-революционеры», организационные принципы которой соответствовали анархистскому духу: коммунисты-революционеры не имели никаких программных положений, устава организации, теоретических текстов. Радикализм выражался в трех основных направлениях деятельности: борьбы «против буржуазных реформ в сфере образования, против империализма, против бюрократии» [1].

Радикализация возможна также со стороны правых партий и течений в ответ на усиление левых и леворадикальных сил. В качестве примера приведем немецкую партию «Альтернатива для Германии» (*Alternative für Deutschland, AfD*), основанную в 2013 г. в условиях неудачной миграционной политики, проводимой в Германии. AfD является праворадикальной партией, стоящей на позициях национализма, правого популизма и евроскептицизма. С 2015 г. партия активно сотрудничает с другими ультраправыми организациями, в частности, с движением PEGIDA («Патриотические европейцы против исламизации Запада»). В 2017 г. AfD стала третьей по численности партией Германии. Авторитет данной партии неуклонно растет, и на 2023 г. по своему влиянию «Альтернатива для Германии» занимает третье место после наиболее влиятельных традиционных немецких партий. Отмечая всплеск

националистических и антиисламских настроений в современной Германии, российский исследователь А.А. Лапин полагает, что «все большее число немцев ищет в праворадикальных и националистических организациях последнее прибежище, надеясь найти в их рядах защиту от вызовов и угроз XXI в. Это вызвано колоссальной безработицей и недовольством государственной политикой в сфере иммиграционного законодательства, семейных и социально-трудовых отношений» [3, с. 231].

Пытаясь получить широкую общественную поддержку, «в последние годы правые экстремисты активно заимствуют программные лозунги левых антиглобалистов и социалистов. Внимание все чаще заостряется на социальных проблемах: безработице, трудовом законодательстве, социальных гарантиях, перемещении производственных мощностей за рубеж» [3, с. 235].

Отметим еще раз, что появление праворадикальных идейных течений и движений является чаще всего реакцией на широкое распространение левых идей и усиление партий левого спектра.

Подобной реакцией на распространение лево-либеральных идей в США стало возникшее в 2009 г. «Движение чаепития» (Tea Party Movement), консервативное либертарианское движение, социальную базу которого «составили правые религиозные активисты, бизнесмены и представители среднего класса, недовольные увеличением налогов и ростом дефицита бюджета, социальные консерваторы, обеспокоенные падением нравов и ростом иждивенчества, конституционалисты, взволнованные расширением полномочий федерального правительства» [5, с. 64]. Движение обвиняло администрацию Б. Обамы в попытке «превратить страну в леволиберальное социальное государство европейского типа» [5, с. 64]. Таким же радикальным является ультраправое движение «альтернативные правые» (Alternative Right, alt-right), возникшее в 2010 г. на волне критики либерал-демократов и пассивности традиционных правых-республиканцев и приобретшее широкую известность и популярность в президентскую кампанию Д. Трампа. Движение не является целостным, а скорее идейно объединяет «...несколько групп американских сторонников превосходства белой расы, белых националистов, белых сепаратистов, антисемитов, неонацистов, неофашистов, неоконфедератов, отрицателей Холокоста, сторонников теории заговора и других крайне правых групп ненависти» [4, с. 58]. В 2017 г. один из лидеров движения Р. Спенсер опубликовал манифест альтернативных правых, в котором однозначно прослеживается негативное отношение к иммиграции, мусульманам, феминизму, социализму. Ответственной за внутренний раскол американского общества альтернативные правые считают левую идеологию: «Левая идеология – это идеология смерти, мы должны противостоять ей и уничтожить ее» [4, с. 61]. Несмотря на многочисленные попытки дискредитации Д. Трампа

и трампистов, ультраконсерватизм и движение альтеррайтов усиливают свои позиции и в последние годы, в том числе и на фоне фактически социалистических реформ, проводимых демократами.

Отметим, что в первой трети XXI в. синистризм в значении радикализации политических и партийных идеологий (как левых, так и правых) резко усилился. Эта радикализация проявляется, прежде всего, в размежевании внутри «левых» и «правых» сил, что приводит к дроблению партийных идеологий, а также невозможности объединения общих левых / правых усилий в борьбе против потенциальных противников.

Несколько иное значение термин «синистризм» приобретает в работе М. Дюверже «Политические партии» (1951 г.), где он рассматривается как последовательное, постепенное и неуклонное левение всего спектра политических партий в многопартийных системах.

М. Дюверже полагает, что синистризм характерен в большей степени для многопартийных систем. Двухпартийные системы (в частности, американский бипартизм) являются более устойчивыми и в меньшей степени подвержены формированию радикальных политических сил. Отсутствие синистризма в США на протяжении XIX и первой половины XX в. М. Дюверже объясняет политической незрелостью, а также неразвитостью социальной структуры американского общества того времени.

Отметим основные факторы, способствующие постепенному левению всего политического партийного спектра.

1. Возникающие первоначально как радикальные, партии или движения стремятся встроиться в нормальное политическое поле, что приводит к тому, что они утрачивают или редуцируют свой радикализм, перемещаясь на линии идейно-политического спектра правее: «Когда левая партия становится доминирующей, ее революционная устремленность притупляется» [2, с. 380]. Радикалы, получая государственную власть, оказываются перед необходимостью формулировать государственную политику, нацеленную на сохранение государства. Ярким примером такого консервативного кульбита является приход к власти в 1917 г. леворадикальной партии большевиков, которая достаточно быстро вынуждена была отказаться от своих леволиберальных «завоеваний» для удержания и централизации политической власти, а также для сохранения и укрепления уже не монархического или буржуазного, а пролетарского государства.

2. Появление новых эмансипированных социальных групп, вынужденных бороться за свои гражданские и иные права и, как следствие, появление новых, более левых, чем существующие, политических сил, выражающих интересы этих групп: «Синистризм – это выражение в политической сфере той социальной эволюции, которая создавала “новые слои”, вынужденные добиваться доступа

к власти в период, когда современная система политических партий выступает уже сложившейся и достаточно развитой» [2, с. 375]. Таким образом, вновь появляющиеся левые партии и течения объективно являются более левыми, чем предшествующие, а вся партийная система также постепенно смещается влево.

Синистризм может принимать различные формы:

– появление новых левых партий, расположенных на прямой политического спектра левее старых; «старые» левые соответственно смещаются вправо;

– замена старой левой партии еще более левой и радикальной; возможно повышение популярности крайне левой партии в ущерб всем остальным;

– в целом ослабление влияния всех партий правой ориентации в пользу партий левой ориентации и др. [2, с. 375].

События последних лет демонстрируют радикализацию глобальных мировых политических процессов и явную тенденцию на жесткое размежевание «левых» и «правых» политических сил. Одновременно это не означает возврата к традиционной дихотомии левые-правые. В области современных политических технологий очень часто современные политические силы используют популистские приемы, что роднит левых и правых в области тактики. В идеологической сфере в мировой политике после достаточно длительного винегрета из умеренных либеральных и социал-демократических идей приходит время четкого обозначения приоритетов. Правым, чтобы быть воспринятыми как правые, необходимо формировать ультраправую повестку. Ну, а современные левые левеют галопирующими темпами.

Полагаем, что в ближайшем будущем тенденции на радикализацию и конфронтацию политических идеологий только усилятся.

Список источников

1. Бенсаид, Д. 1968 год во Франции [Электронный ресурс] / Д. Бенсаид // Скепсис. – Режим доступа: http://scepsis.net/library/id_1722.html. – Дата доступа: 06.11.2023.

2. Дюверже, М. Политические партии / М. Дюверже. – М. : Академический Проект, 2000. – 538 с.

3. Лапин, А. А. Правый экстремизм в Германии / А. А. Лапин // Вестн. Моск. междунар. акад. – 2017. – № 1. – С. 231–241.

4. Хлопов, О. А. Ультра-правые движения в США: прошлое и настоящее / О. А. Хлопов // Colloquium-journal. – 2019. – № 5 (29). – С. 58–62.

5. Христенко, Д. Н. «Движение Чаепития» и внешняя политика США при администрации Б. Обамы / Д. Н. Христенко // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 25. Международные отношения и мировая политика. – 2012. – № 2. – С. 62–86.

*А.Л. Стризов, доктор философских наук, профессор
ВолГУ (Волгоград)*

ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПОДХОД И СОВРЕМЕННЫЙ ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДИСКУРС

В современной социальной философии цивилизационный подход существует и применяется в двух вариантах: стадийном и циклическом. Различия между ними применительно к политическому знанию были не раз предметом специального рассмотрения [1, с. 85–107]. Мы полагаем, что оба подхода, несмотря на различный эвристический потенциал, применимы в современном социально-гуманитарном, и в том числе политическом, знании. Предметом нашего рассмотрения станут методологические процедуры такого применения и их политические экспликации.

Стадийный и циклический варианты трактовки природы и сущности цивилизации как способа социальной организации базируются на различных методологических принципах философского и научного мышления. В первом случае мы имеем дело с принципом развития, во втором – с принципом системности. В соответствии с этим политическая реальность рассматривается в динамике, подчеркиваются ее качественно различные состояния, соотношение в них инновационного и традиционного, изучаются механизмы перехода от одной стадии к другой. Поскольку цивилизационное развитие неравномерно, то в центре внимания исследователей часто оказывается сравнение различных стадий (волн, эшелонов) модернизации, характеристик и роли политики в решении задач обновления и преемственности. В системном видении социальной реальности доминирует статический подход к цивилизационным феноменам. Предметом анализа становятся функционирование общества и роль в этом политики вообще и государства в частности. Особое внимание уделяется внешней среде жизни цивилизации, ее отношениям к различным внешним факторам, сравнению данной цивилизации с другими. В русле теорий локальных цивилизаций оказывается возможным и использование циклических моделей социальной и политической динамики. Изучение политических циклов позволяет выявить в политической реальности устойчивое и повторяющееся, что характеризует все элементы политической культуры.

Очевидно, что оба подхода, независимо от отношения к ним исследователей взаимодополняют друг друга. Как отмечает Я.В. Мальцев, с позиций